

Эрих Кестнер

Мальчик из спичечной коробки

Иллюстрации Марии Кузнецовой

Москва KompasGid
издательский дом
2019

УДК 821.112.2-053.5
ББК 84(4Гем)-44
К36

Перевод с немецкого Константина Богатырева

Кестнер, Эрих.

К36 Мальчик из спичечной коробки : [для ср. шк. возраста : 6+] / Эрих Кестнер ; [пер. с нем. К. Богатырева] ; ил. М. Кузнецовой. — М. : КомпасГид, 2019. — 176 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-542-5

Его называли Маленьким Человеком, и он спал в спичечной коробке. Хотя, конечно, у него было вполне обычное человеческое имя: Макс Пихельштейнер, или просто Максик. Никто о нём не узнал бы, да что там — никто его не разглядел бы! — но случай привел его в цирк господина Грозветтера и сделал напарником великого фокусника Йюкуса фон Покуса. Совместный номер превратил Йюкуса и Максика в настоящих звёзд. Однако вскоре эта история приняла неожиданный и, можно сказать, детективный оборот.

Книга «Мальчик из спичечной коробки» (1963) давно стала классикой в Германии. Уже полвека её перечитывают всё новые и новые поколения детей. Всё дело в её уникальной интонации и юморе. А сюжет закручен так, что кажется, что в то время не было ни одного скучного дня: цирковые артисты придумывали всё более фантастические шоу, газеты провозглашали сенсацию за сенсацией, гангстеры плели изощрённые интриги на радость отважным сыщикам.

Немецкий автор Эрих Кестнер (1899—1974) уже в юном возрасте приобрёл популярность не только на родине, но и во всей Европе. Мало кому удавалось так же современно и своевременно писать, в том числе для детей, в бурную эпоху 1920-х годов. Тонко чувствующий писатель не мог не критиковать действующий режим — так его книги попали в число уничтоженных Третьим Рейхом. Лишь после войны Эриха Кестнера вновь стали издавать. В своих произведениях для детей он старательно избегает любой назидательности, но при этом умеет говорить с детьми на одном языке. Возможно, именно потому писателя и наградили в 1960 году Золотой медалью премии имени Ханса Кристиана Андерсена.

Выходит в свет долгожданное переиздание «Мальчика в спичечной коробке»! Книга в классическом переводе Константина Богатырева, с изысканными иллюстрациями Марии Кузнецовой станет прекрасным подарком для юного читателя.

УДК 821.112.2-053.5
ББК 84(4Гем)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-542-5

Original title «DER KLEINE MANN» by Erich Kästner
© Atrium Verlag, Zürich, 1963
© Богатырев К.П. (наследники), перевод, 1985
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

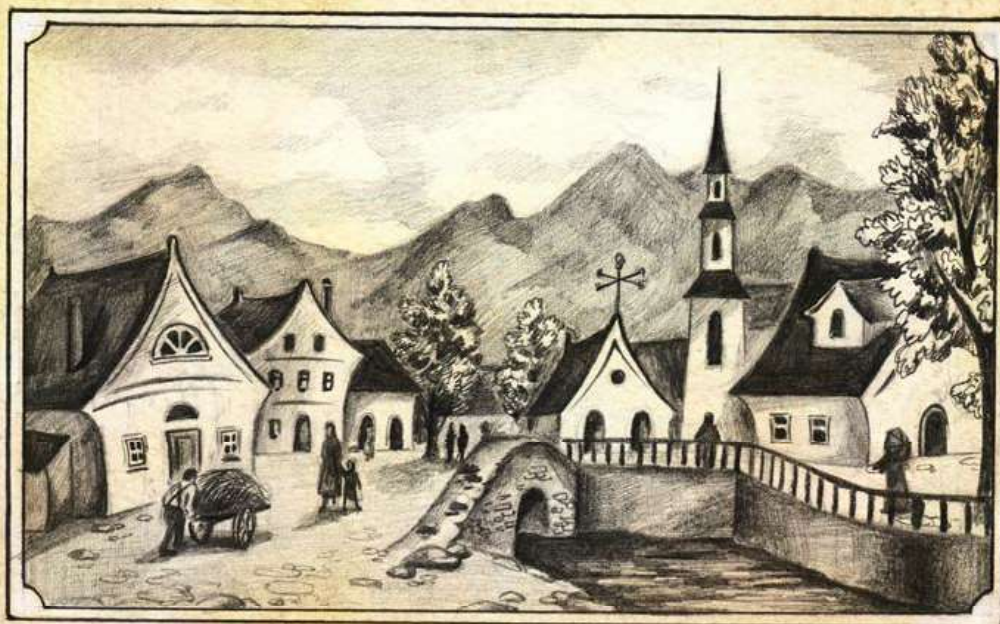
Глава 1

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАЛЕНЬКИМ ЧЕЛОВЕКОМ.
ПИХЕЛЬШТЕЙН И ПИХЕЛЬШТЕЙНЕРЫ.
РОДИТЕЛИ МАКСИКА ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ДАЛЬНИЕ
СТРАНСТВИЯ. ВУ ФУ И ЧИН ЧИН. МЕСТО РОЖДЕНИЯ —
СТОКГОЛЬМ. ПОХОРОНЫ ДВУХ КИТАЙСКИХ КОСИЧЕК.
ПРОФЕССОР ЙОКУС ФОН ПОКУС ДЕРЖИТ РЕЧЬ

Его называли Маленьким Человеком, и он спал в спичечной коробке. Но настоящее его имя было Макс Пихельштейнер. Правда, этого почти никто не знал. И я тоже, пока он мне сам не сказал. Это было, если не ошибаюсь, в Лондоне. В отеле «Гарленд». В кафе. Там с потолка свисали пёстрые клетки с птицами. Птицы так громко чирикали, что с трудом можно было слышать свои собственные слова.

А может быть, это случилось в Риме? В отеле «Амбассадоре» на виа Венето? Или в ресторане гостиницы «Эксцельсиор» в Амстердаме? Проклятая память! Она у меня похожа на ящик, битком набитый всевозможными игрушками.

Но уж одно-то я знаю твёрдо: и родители Максика, и его бабушки с дедушками, и абсолютно все его предки были родом из Богемского леса, из самой густой его чащи. Там есть высокая гора, а под нею — маленькая деревушка. Обе они называются Пихельштейн. На всякий случай я заглянул в свой старый справочник. В нём чёрным по белому сказано:

Пихельштейн. Деревня в Богемии. 412 жителей. Низкорослый тип людей. Максимальный рост — 51 сантиметр. Славится Гимнастическим союзом (Г. С. Пихельштейн, основан в 1872 году) и пихельштейновским мясом. (Подробнее см. том IV — статья «Обеды из одного блюда».) Все жители в течение многих столетий носят фамилию Пихельштейнер. Литература. *Пастор Ремигиус Даллмайр. Пихельштейн и Пихельштейнеры*, 1908. Самиздат. (Распродано.)

«Ну и деревня!» — наверное, скажете вы. Что поделаешь! Ведь всё, что говорится в моём справочнике, почти всегда истинная правда. Через год после свадьбы родители Максика решили попытать счастья. Ростом они были низковаты, но метили высоко: их планы не уместались в деревушке Пихельштейн в Богемском лесу. И вот в один прекрасный день супруги захватили свои пожитки, а вернее

пожиточки, и отправились в далёкий путь. Куда бы они ни приезжали, всюду на них глазели как на чудо. Люди разевали рты и потом еле-еле могли их снова закрыть. Правда, мать Максика была изумительная красавица, а его отец отрастил пышные чёрные усы, но всё же ростом они оба были не выше пятилетних детей. Ничего удивительного, что все удивлялись.

Чего же они хотели добиться? Оба они были великолепными гимнастами, но мечтали стать акробатами. И действительно, когда они показали господину Грозоветтеру, директору цирка «Стильке», несколько упражнений на турнике и кольцах, тот восторженно захлопал в свои белые лайковые перчатки и воскликнул:

— Браво, малыши! Я вас беру!

Это было в Копенгагене. Перед самым обедом. В цирке под огромным шатром, натянутым на четыре высоченные мачты. Максика тогда ещё и на свете не было.

Хотя его родители были инструкторами по гимнастике у себя в Пихельштейне, им пришлось много учиться и упорно тренироваться. Только через три месяца их включили в китайскую акробатическую труппу «Семья Бамбусов». В сущности, семья Бамбусов не была настоящей семьёй. В ней не было ни одного взаправдашнего китайца. Даже искусно заплетённые косички, что болтались на затылке у каждого из них, тоже были поддельными. Но зато все Бамбусы до единого были истинными артистами, жонглёрами и акробатами, каких ещё свет не видывал. Они с такой скоростью вращали бьющиеся тарелки и чашки на кончиках тонких дрожащих прутьев из жёлтого бамбука, что у зрителей дух захватывало. Самые большие и сильные Бамбусы держали на поднятых ладонях длиннющие бамбуковые прутья, а самые маленькие Бамбусики проворно, как белки, карабкались вверх по скользкому бамбуку и делали на кончике прута сначала стойку на руках, а потом — под приглушённую барабанную дробь — на голове. Они даже ухитрялись на десятиметровой высоте

проделывать сальто! Перевернутся в воздухе, словно это для них сущий пустяк, встанут обеими ногами на качающиеся острия бамбуковых прутьев, улыбнутся и как ни в чём не бывало посылают публике воздушные поцелуи. Оркестр играет туш, а зрители хлопают, пока не отобьют ладоши.

Теперь родители Максика назывались на всех афишах и в программах Ву Фу и Чин Чин и носили фальшивые косы и вышитые пёстрой гладью кимоно из шуршащего шёлка. Вместе со скатанным брезентовым шатром, а также со слонами, хищниками, глотателями огня, клоунами, акробатами, арабскими жеребцами, конюхами, укротителями, балеринами, механиками, музыкантами и господином директором Грозоветтером они переезжали из одного большого города в другой, добывали цирку славу и деньги и по меньшей мере двадцать раз на дню радовались, что уехали из Пихельштейна.

Максик появился на свет в Стокгольме. Врач долго смотрел на него в лупу, а потом улыбнулся и сказал родителям:

— Да он же просто богатырь! Поздравляю вас!

Когда Максику исполнилось шесть лет, он потерял родителей. Это случилось в Париже. Родители Максика поднялись в лифте на Эйфелеву башню, чтобы оттуда полюбоваться прекрасным видом. Только они вышли на площадку, как налетел сильный вихрь и унёс их. Остальные посетители, которые были гораздо выше ростом, удержались за поручни.

А Ву Фу и Чин Чин погибли. Всем было видно, как они летели, держась за руки, а потом исчезли вдали.

На следующий день газеты писали: «Ветер унёс с Эйфелевой башни двух маленьких китайцев! Безуспешные поиски на вертолётах! Тяжёлая потеря для цирка „Стильке“!»

Конечно, тяжелее всех перенёс её Максик: ведь он очень любил родителей. Сколько крошечных слезинок пролил он в свои крошечные носовые платочки! А когда через две недели на кладбище в маленькой

шкатулке из слоновой кости хоронили пару чёрных китайских косичек — их за Канарскими островами выловил из океана португальский пароход, — Максику хотелось умереть от горя.

Удивительные это были похороны! В них участвовали: семья Бамбус в кимоно, укротитель львов и тигров с траурной повязкой на хлысте, наездник Галопинский верхом на вороном жеребце Нероне, глотатели огня с горящими факелами в руках, господин директор Грозоветтер в цилиндре и в чёрных лайковых перчатках, клоуны с мрачно разрисованными лицами, но прежде всего — в роли оратора — знаменитый профессор фокусных наук Йокус фон Покус. В конце своей торжественной речи профессор сказал:

— Двое наших коллег, которых мы сегодня оплакиваем, оставили нам в наследство маленького Максика. Незадолго до своего рокового

восхождения на Эйфелеву башню они привели его ко мне в номер и попросили присмотреть за ним до их возвращения. Сегодня мы знаем, что они не вернутся. Поэтому, пока я жив, я буду с величайшим удовольствием заботиться о Максике. Согласен ли ты, мой мальчик?

Максик выглянул из бокового кармана его волшебного фрака и громко всхлипнул:

— Да, дорогой Йокус! Я согласен!

И все присутствовавшие тоже заплакали от горя и радости. Слезы смыли траур с лиц клоунов. А профессор извлёк прямо из воздуха огромный букет цветов и положил их на могилку. Глотатели огня сунули в рот горящие факелы, и пламя тут же потухло. Оркестр исполнил марш гладиаторов. А потом все во главе с наездником Галопинским и его вороним жеребцом Нероном отправились назад, в цирк. Потому что была среда.

Ведь, как всем известно, по средам, субботам и воскресеньям в цирке дают дневные представления. Для детей. По сниженным ценам.

Глава 2

СПИЧЕЧНАЯ КОРОБКА НА НОЧНОМ СТОЛИКЕ.
МИННА, ЭММА И АЛЬБА. ШЕСТЬДЕСЯТ ГРАММОВ
ЖИВОГО ВЕСА, НО КРЕПКОЕ ЗДОРОВЬЕ. МАЛЕНЬКИЙ
ЧЕЛОВЕК ПОСТУПАЕТ В ШКОЛУ. НЕПРИЯТНОСТИ В АФИНАХ
И БРЮССЕЛЕ. ЗАНЯТИЯ НА СТРЕМЯНКЕ.
КНИГИ ВЕЛИЧИНОЙ С ПОЧТОВОЮ МАРКУ

Кажется, я уже говорил вам, что Максик спал в спичечной коробке. Вместо шестидесяти спичек в ней помещались ватный тюфячок, клочок одеяла из верблюжьей шерсти, подушка размером с ноготь на моём безымянном пальце и сам Максик. Коробка оставалась наполовину открытой, а то бы он задохнулся.

Спичечная коробка лежала на ночном столике рядом с кроватью фокусника. По вечерам, как только профессор Йокус фон Покус поворачивался к стенке и начинал похрапывать, Максик выключал настольную лампу и тоже засыпал. Вместе с ними в номере спали две голубки — Минна и Эмма, а в корзинке — крольчиха Альба. Голуби спали на шкафу. Они зарывались головками в перья и тихонько ворковали во сне.

Все трое служили у профессора и помогали ему выступать в цирке. Голуби ни с того ни с сего вылетали из рукавов его фрака, а крольчиху неожиданно обнаруживали в пустом цилиндре. Минна, Эмма и Альба очень любили фокусника, а от маленького Максика были просто без ума. Все пятеро завтракали вместе, а потом Максику

иногда разрешалось садиться верхом на Эмму, и он совершал круговой полёт по комнате.

Длина спичечной коробки — шесть сантиметров, ширина — четыре, высота — два. Именно то, что требовалось Максику! В свои десять и даже двенадцать лет он был неполных пяти сантиметров роста, и спичечная коробка была ему в самый раз. На почтовых весах у швейцара гостиницы он весил шестьдесят граммов. При этом у него всегда был хороший аппетит, и он никогда ничем не болел. Кроме кори. Но корь не считается. Корью болеет каждый второй ребёнок.

В семь лет он, конечно, мечтал учиться в школе. Но уж слишком трудным оказалось для него учение. Во-первых, каждый раз при переезде цирка школу приходилось менять. А вместе со школой и язык. Потому что в Германии учили на немецком языке, в Англии — на английском, во Франции — на французском, в Италии — на итальянском, а в Норвегии — на норвежском. Но это было для Маленького Человека не самое трудное: он был очень смыслённый мальчик. Главная же трудность заключалась в том, что все его сверстники были намного выше ростом. И все они воображали, что быть выше ростом — это очень важно. Поэтому бедняге Максику пришлось хлебнуть горюшка.

В Афинах, например, три маленькие гречанки как-то на перемене воткнули его в чернильницу. А в Брюсселе два бельгийских озорника посадили его на карниз, который держит шторы. Правда, Максик сам слез оттуда. Потому что лазить он уже и тогда умел лучше всех. Но, конечно, подобные глупости ему вовсе не нравились. И однажды фокусник объявил:

- Знаешь что? Я сам буду давать тебе уроки.
- Вот здорово! — воскликнул Максик. — Когда же мы начнём?
- Послезавтра в девять утра, — сказал профессор Йокус фон Покус. — Но только не радуйся заранее!

Прошло немало времени, прежде чем они придумали, как им заниматься. Кроме учебников и тетрадей для занятий понадобились

стремянка с пятью перекладинами и сильная лупа. Перед тем как начать читать, Максик забирался на верхнюю ступеньку, потому что буквы были слишком велики для него. Лишь с верхней перекладки он мог обозревать всю страницу. Куроку письма он готовился совсем по-другому. Максик садился за свою крошечную парту. Крошечная парта стояла на огромном столе. А профессор, сидя за столом, в лупу разглядывал каракули Максика. Лупа в семь раз увеличивала написанное — только так профессору удавалось разглядеть слова и буквы. Без лупы и он, и официант, и горничная приняли бы их за чернильные брызги или за мушиные следы. Но в лупу было ясно видно, что это буквы, да к тому же красиво написанные.

На уроках арифметики происходило то же самое. Чтобы разглядеть цифры, опять требовалась лупа. А Максик, чем бы он ни занимался, всегда был в пути. Чтобы списать условия задачи, он то лез на стремянку, то спускался с неё и садился за парту. И так весь урок.

Однажды после завтрака официант, убиравший посуду, сказал:

— Если бы я не знал точно, что у мальчика урок чистописания, я был бы уверен, что он занимается гимнастикой.

Все рассмеялись. И Эмма с Минной тоже, потому что они были из породы хохотуний.

Максику не пришлось долго читать по складам. Он очень скоро научился читать так быстро, словно всю жизнь только это и делал. Теперь его невозможно было оторвать от книги. Самой первой его книгой был подарок Йокуса фон Покуса — «Сказки братьев Grimm». Он наверняка прочёл бы её быстрее, чем за неделю, если бы не проклятая лестница.

Каждый раз, когда ему надо было перевернуть страницу, он волей-неволей должен был спускаться с лестницы, прыгать на стол, поворачивать страницу и опять взбираться по лестнице на самый верх. Лишь после этого он узнавал, что было дальше. А две страницы спустя ему снова надо было прыгать на стол и бежать к книге! Так продолжалось до бесконечности: от книги — вверх по лестнице, потом спустя две страницы — вниз по лестнице, вверх — вниз, вверх — вниз. Просто с ума сойти!

Однажды профессор вошёл в комнату, когда мальчик, в двадцать третий раз поднявшись по лестнице, топал ногами и кричал:

— Безобразие! Почему на свете нет совсем маленьких книг с совсем маленькими буквами!

Профессор, увидев сердитого Максика, сначала рассмеялся. Но потом подумал и сказал:

— А ведь ты, пожалуй, прав. И если таких книг пока ещё нет, мы их закажем специально для тебя.

— А есть такой человек, который может их напечатать?

— Понятия не имею, — ответил фокусник. — Но в марте наш цирк будет выступать в Мюнхене. А там живёт часовой мастер по имени Унру. У него мы всё выясним.

unterhalten verrückt zu
nen verrückt zu
und Tugend wählen; die Monarchen dahin zu überreden
Verdienst, Fähigkeit und Dienst zu belohnen; sie
für Anter wie das Volk dieses auf wahres Interesse
unausführbare Hingabe noch mehrere wählen; die
begreifen konne und die mich von der Wahrheit
so ausschweifende Bemerkung überzeugen, es gabe keine
nicht von einzelnen Menschen als Wahrheit
aufgestellt worden sei.

— А откуда это может знать часовой мастер Унру?

— Он может знать, потому что сам занимается подобными делами. Например, десять лет назад он написал «Песнь о колоколе» Шиллера на обратной стороне почтовой марки. А в этом стихотворении, что ни говори, 425 строк!

— Здорово! — ахнул Максик. — Мне бы такую книгу!

Чтобы вас не задерживать, скажу сразу: часовщик Унру действительно знал типографию, где можно было отпечатать маленькие книжки. Прошло совсем немного времени, и мальчику удалось собрать целую библиотеку из таких книжек.

Теперь ему не надо было больше заниматься гимнастикой на стремянке. Он мог читать, устроившись поудобнее. Больше всего он любил читать по вечерам, лёжа в спичечной коробке, когда профессор уже спал и только тихо похрапывал. Ах, как это было уютно! Под потолком на шкафу ворковали голуби. А Максик наслаждался какой-нибудь из своих любимых книг: «Карликом Носом», или «Мальчиком с пальчик», или «Нильсом Хольгерсоном», или своей самой любимой — «Гулливером».

Иногда профессор сквозь сон ворчал:

— Потуши свет, бессовестный!

А Максик шёпотом просил:

— Ну ещё только одну минуточку, Йокус!

Иногда эта «минуточка» длилась целых полчаса. В конце концов он всё же гасил свет и засыпал. И ему снился Гулливер в стране лилипутов.

Разумеется, Гулливером, который спокойно перешагивал через высокие городские стены и один уводил в плен весь вражеский флот, был не кто иной, как Максик Пихельштейнер.

Глава 3

ОН ХОЧЕТ СТАТЬ АРТИСТОМ. ВЫСОКИЕ ЛЮДИ И ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ НЕ ОДНО И ТО ЖЕ. РАЗГОВОР В СТРАСБУРГЕ.
О ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА. ПЛАН ПРОФЕССОРА
РАЗБИВАЕТСЯ ОБ УПРЯМСТВО МАКСИКА

Чем старше становился Маленький Человек, тем чаще у них с Йокусом заходили разговоры о том, кем же в конце концов он собирается стать. И Максик каждый раз заявлял:

— Я пойду в цирк. Я буду артистом.

А профессор каждый раз качал головой и возражал:

— Нет, малыш, это не годится. Ты слишком мал для артиста.

— Ты каждый раз по-другому говоришь! — ворчал Максик. —

А кто мне рассказывал, что многие знаменитости были маленького роста? И Наполеон, и Юлий Цезарь, и Гёте, и Эйнштейн, и ещё другие. И потом, ты говорил, что высокие люди редко бывают великими, потому что у них вся сила уходит в рост.

Профессор почесал голову. Наконец он сказал:

— Всё же и Цезарь, и Наполеон, и Гёте, и Эйнштейн никогда не стали бы хорошими артистами. У Цезаря, например, были такие короткие ноги, что он с трудом влезал на коня.

— Но я ведь вовсе не собираюсь быть наездником, — возражал мальчик. — Разве мои родители были плохие артисты?

— Что ты! Чудесные!

— А они были большие?

— Нет. Маленькие, и даже очень.

— Значит, милый Йокус...

— Никаких «значит»! — сердился фокусник. — Они были маленькие, но ты в десять раз меньше. Ты слишком мал. И если ты встанешь посреди манежа, тебя никто из публики даже не заметит.

— Тогда пусть берут с собой бинокли, — заявил Маленький Человек.

— Знаешь, кто ты такой? — мрачно спросил профессор. — Ты большой упрямец!

— Нет, я совсем маленький упрямец! И...

— И? — переспросил профессор.

— ...и я буду артистом! — заорал Максик во всё горло, так громко, что Альба от страха выронила изо рта листик зелёного салата.

Однажды вечером после очередного представления — это было в городе Страсбурге — они сидели в ресторане гостиницы, и господин профессор Йокус фон Покус уплетал гусиный паштет с трюфелями. Обычно он ел по-настоящему лишь после представления, иначе фрак ему становился тесен, а это мешало показывать фокусы. Потому что во фраке были спрятаны самые разные вещи. Например, четыре колоды игральных карт, пять букетов цветов, двадцать бритвенных лезвий и восемь горящих сигарет. А кроме того, ещё и голуби Минна и Эмма, белая крольчиха Альба и вообще всё, что нужно для фокусов. Поэтому с едой лучше было не торопиться.

Итак, Йокус сидел за столом, ел страсбургский паштет с поджаренным хлебом, а Максик сидел на столе рядом с тарелкой и лакомился крошками. Потом подали венский шницель, салат из фруктов и чёрный кофе. Мальчику досталось по кусочку от каждого блюда и целая четверть глотка кофе. Оба наелись и, довольные, вытянули ноги: профессор — под столом, а Маленький Человек — на столе.

— Теперь я знаю, кем ты будешь, — сказал Йокус, выпустив изо рта удивительно красивое белое кольцо дыма.

Мальчик восхищённо следил за этим кольцом, которое становилось чем больше, тем тоньше, пока не растаяло, ударившись о люстру. Потом он сказал:

— Ты только теперь узнал? А я всегда знал. Я буду артистом.

— Нет, — буркнул профессор. — Ты будешь переводчиком.

— Переводчиком?

— Это очень интересная работа. Ты ведь уже знаешь немецкий язык, порядочно владеешь английским и французским, немного — итальянским и испанским...

— И голландским, и шведским, и датским, — продолжал Маленький Человек.

— Вот именно, — подхватил профессор. — Если мы и дальше будем кататься по Европе с нашим цирком, ты эти языки выучишь ещё лучше. Потом, в Женеве, ты сдашь экзамены в знаменитой Женевской школе переводчиков. Как только ты их сдашь, мы с тобой поедem в Бонн. Там у меня есть один знакомый.

— Тоже фокусник?

— Нет, подымай выше! Он чиновник. Он начальник службы печати при федеральном канцлере. Я покажу ему твой женевский диплом, и тогда ты, если всё пойдёт гладко, станешь переводчиком при министерстве иностранных дел или даже личным переводчиком канцлера. А канцлер — это самая главная и самая важная персона. И так как он часто бывает за границей, чтобы вести переговоры с другими канцлерами, то ему нужен хороший переводчик.

— Но ведь не мальчик с пальчик ему нужен!

— Вот именно мальчик с пальчик! Чем меньше рост, тем лучше, — пояснил профессор. — Например, берёт он тебя в Париж, где ему надо что-то обсудить с президентом. Что-то очень секретное. Что-то ужасно важное. Но немецкий канцлер не очень-то понимает по-французски. Ему нужен переводчик, который бы ему объяснил, что именно говорит французский президент.

- И этим переводчиком обязательно должен быть я?
- Обязательно, мой мальчик, — подтвердил профессор. Он был очень увлечён своей идеей. — Ты садишься в ухо канцлеру и шепчешь ему по-немецки то, что президент говорит по-французски.
- А если я вывалюсь из уха? — спросил Максик.
- Не вывалишься. Во-первых, у него, наверное, такие большие уши, что ты сможешь уютно устроиться внутри.
- А во-вторых? А если у него маленькие ушки?
- Тогда он приделает к уху золотую цепочку вроде серьги, и ты будешь на ней висеть, и у тебя будет титул «тайный советник Макс Пихельштейнер», а чиновники будут тебя почтительно величать «лицом, близким уху канцлера». Разве это не здорово?
- Нет, — решительно отрезал Максик. — По-моему, даже очень противно. Я не буду сидеть в ухе. Ни во Франции, ни в Германии, ни на Северном полюсе. А главное, ты забыл главное...
- А что же главное?
- Главное — это то, что я стану артистом.

